

-

«

»

• •

:
. 1868. 5. . 673-701.

©

-

:

(www.spbda.ru),

2010.

Creative Commons 3.0

-

2010

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ИЛИ СИСТЕМЪ

БОГОСЛОВСКИХЪ НАУКЪ (С).

Слово *организмъ* выражаетъ собою понятіе недавняго времени. Идея *всеобщаго*, которое всецѣло живетъ въ каждой изъ своихъ частей, и всѣ члены котораго въ такомъ отношеніи располагаются одинъ къ другому, что отдѣльное познаніе одного изъ нихъ достаточно для опредѣленія всѣхъ другихъ и для воспроизведенія всецѣлаго бытія, — это, дѣйствительно, возвышенная идея есть произведеніе современной мысли, или, лучше сказать, это есть, какъ бы откровеніе, недавно сдѣланное наукъ самую природою. Ибо невѣроятно, чтобы умъ человѣческій самъ собою выработалъ подобное понятіе. Кювье былъ (1), въ этомъ отношеніи, какъ бы пророкомъ: его ухо приняло, а уста, въ первый разъ, провозгласили это понятіе, которому назначено играть рѣшительную роль въ наукъ и даже въ исторіи человѣчества. Жоффуа Сент-Илеръ (2) распространилъ это

(*) Авторъ этой статьи руководствовался статьею, помѣщенной въ „Bulletin Théologique“ за 1863 годъ подъ заглавіемъ: „L'organisme de la science théologique“.

(1) Dans les leçons d'anatomie comparée. 1800—1805.

(2) Особенно въ la Philosophie anatomique. 1818. Сочиненіе это было предварено публикаціями, наполненными уже тою же самою мыслию.

понятіе на всю совокупность существъ, не смотря на то, что оно, будучи приложено къ отдѣльному даже существу, какъ сдѣлалъ это Кювье, казалось уже смѣлымъ. Съ тѣхъ поръ какъ твореніе открыло такимъ образомъ свою наиболѣе важную тайну, тайну своего органическаго единства и своей чудной гармоніи, понятіе организма сдѣлалось закономъ мысли и почти ея тираномъ. Естественно, что это понятіе стали прилагать и къ міру нравственному. Здѣсь, въ этомъ понятіи, стали искать ключа для всѣхъ наукъ вообще, и для каждой въ частности. Въ силу этого, всеобщая энциклопедія не должна была уже болѣе представлять собою какую-то искусственную классификацію человѣческихъ наукъ, на основаніи вишняго, болѣе или менѣе удачно приложеннаго начала, — а синтетическое построеніе знанія человѣческаго, отправляющагося отъ безспорнаго начала къ самой природѣ науки. Равнымъ образомъ и частная энциклопедія, вмѣсто того, чтобы походить на перечень познаній, сгруппированнымъ подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, должна была отнынѣ имѣть задачей, чтобы каждая частная наука исходила отъ безспорнаго начала къ самому предмету этой науки. Гегель первый сталъ пытаться, чтобы лучъ этого новаго метода проникнулъ въ неизмѣрный хаосъ человѣческаго знанія ⁽¹⁾; а Шлейермахеръ сдѣлалъ изъ него, въ первый разъ, особенное приложеніе къ наукѣ богословской, въ своемъ бессмертномъ же большомъ сочиненіи: *Darstellung des theologischen Studiums* (1811). Въ чемъ заключается, спрашивалъ себя этотъ великій мыслитель, тотъ отличительный элементъ, который напечатлѣваетъ,

(1) Смотр., особенно, это *Encyclopedie des sciences philosophiques*. 1817.

на известной отрасли нашихъ познаній. характеръ, собственно богословскій? Отъ чего, на примѣръ, происходитъ, что исторія церкви есть для богослова нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ одна изъ отраслей всеобщей исторіи человѣчества? Почему экзегетика новаго завѣта не принадлежитъ къ литературному изученію древности, по тому же самому праву, какъ изученіе классиковъ, и занимаетъ отдѣльное мѣсто въ наукахъ философическихъ? Вопросъ, хорошо поставленный, въ самомъ себѣ почти заключаетъ уже рѣшеніе. Шлейермахеръ отвѣчаетъ на него такъ, какъ отвѣтилъ бы каждый изъ насъ: То, что отмѣчаетъ особенною печатію познанія, которыя мы отдѣляемъ отъ всѣхъ другихъ, соединяя ихъ подъ однимъ именемъ *богословія*, это есть ихъ цѣль, а эта цѣль есть практика, или дѣйствованіе, то есть служеніе церкви. Богословъ изучаетъ богословіе не въ качествѣ любителя или ученаго, и потому онъ не творитъ науки для науки. Цѣль его занятія, изученія богословія въ томъ именно состоитъ, чтобы пріобрѣсти умѣнье надежно управлять церковію, и наиболѣе дѣйственнымъ образомъ служить ей. Такимъ образомъ Шлейермахеръ нашелъ въ цѣли богословія начало научнаго единства, и на этомъ основаніи старался построить все зданіе богословскихъ наукъ. Тогда, въ первый разъ, увидѣли, что наука, подобно растенію (1), органически развивающему богатства заключенныя въ своемъ зародышѣ, — исходитъ, какъ бы по закону необходимости, отъ единого и живого начала.

По мнѣнію Шлейермахера, Богословіе отдѣляется отъ ствола всеобщей науки въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта послѣд-

(1) Мы уподобляемъ богословскую науку дереву или растенію, замѣстивъ такое выраженіе изъ самаго Свящ. Писанія (Лук. XIII. 18—20).

няя принимает на себя имя *философіи религіи*. Предметъ этой важной отрасли философіи духа есть изученіе религіи въ ея сущности и въ ея историческихъ обнаруженіяхъ или проявленіяхъ. А это изученіе, дѣйствительно, не составляетъ ли собою научнаго основанія, на которомъ каждая частная религія, слѣдовательно также и христіанство, должна воздвигать свое богословіе? Философія религіи доводитъ мыслителя христіанскаго до того самаго пункта, гдѣ, дѣлаясь богословомъ и поставляя себя въ самый центръ христіанства, онъ можетъ научно дать себѣ отчетъ въ характерѣ, свойственномъ этой религіи и утвердить ея отношенія, какъ къ религіи самой по себѣ, такъ и къ религіямъ положительнымъ. Въ этомъ самомъ пунктѣ богословіе непосредственно соединяется со всеобщемою наукою. Здѣсь-то мы и находимъ первую часть богословской науки. Шлейермахеръ называетъ ее *философическимъ богословіемъ*. По его мнѣнію, оно обнимаетъ собою двѣ частныхъ науки:

1) *апологетику*, которая, опредѣливши сущность христіанства, доказываетъ тождество этой религіи съ сущностію религіи вообще; и 2) *полемику*, которая оказываетъ частному вѣроисповѣданію, къ которому принадлежитъ богословъ, ту же самую услугу, какую апологетика оказываетъ христіанству вообще; ибо полемика имѣетъ задачу доказать тождество этого вѣроисповѣданія съ сущностію христіанства, точно также, какъ апологетика доказала тождество христіанства съ сущностію религіи вообще.

Изучивши христіанство въ его *сущности*, богословъ, для того, чтобы поставить себя въ состояніе служить церкви, долженъ ознакомиться также съ развитіемъ христіанства *во времени*. Здѣсь является вторая группа

наукъ богословскихъ, которую Шлейермахеръ означаетъ именемъ *богословія историческаго*. Если богословіе философическое есть корень, то богословіе историческое есть стволъ богословскаго дерева. Эта часть заключаетъ въ себѣ: 1) *Богословіе экзегетическое*, которое знакомитъ насъ съ происхожденіемъ и началомъ христіанства и такимъ образомъ открываетъ фактъ христіанскій въ его истинной природѣ; ибо, говоритъ Шлейермахеръ, нигдѣ фактъ не обнаруживается въ своей идеѣ столь чистымъ и совершеннымъ образомъ, какъ у своего начала или происхожденія (1);

2) *Исторію Церкви*, которая представляетъ намъ развитіе общества христіанскаго даже до нашихъ дней;

3) *Богословіе догматическое и статистику церковную*, которыя излагаютъ настоящее состояніе церкви: первая съ точки зрѣнія умственного усвоенія Евангелія, а послѣдняя, по отношенію къ внѣшнему состоянію церкви.

Но всѣ познанія, заключающіяся въ предъидущихъ двухъ частяхъ, не иначе могутъ принести дѣйствительную пользу для церкви, какъ съ помощію послѣдней части богословія, *богословія практическаго*. Эта послѣдняя часть поставляетъ богослова, непосредственно, лицомъ къ лицу съ управленіемъ церковію, съ служеніемъ въ приходѣ, и должна снабдить его правилами этаго труднаго дѣланія. Организуя съ этою цѣлю различныя должности церковнаго служенія, она вѣнчаетъ богословское дерево наукой множествомъ плодоносныхъ вѣтвей, съ которыхъ церковь будетъ собирать, для своего питанія, плоды. Такимъ образомъ, въ богословской наукѣ все неразрывно связано между собою, подобно звѣньямъ одной цѣпи.

(1) Darstellung, § 83.

Въ ней ничего нѣтъ случайнаго или излишняго; но все, напротивъ, представляетъ собою живое, органическое, цѣлое, въ которомъ всё необходимо и логически вытекаетъ изъ одной практической цѣли, безъ которой, поистинѣ, не мыслимо самое существованіе богословія.

Этотъ краткій очеркъ вполне достаточенъ, для того чтобы дать читателю идею о сочиненіи Шлейермахера. Взглядъ его на богословіе замѣчательнъ столькоже по своему систематическому характеру, сколько по своему практическому направленію, эстетическому достоинству и оригинальности.

За всѣмъ тѣмъ это построеніе богословской системы, столь гармоническое и столь новое, не избѣжало самой страшной изъ критикъ, критики неуспѣха, почти совершеннаго. Оно осталось исключительною собственностію своего автора, не перейдя въ число прибрѣтеній науки; оно даже никогда не было, сколько намъ извѣстно, предметомъ глубокаго спора. Едва лишь прошло три года со времени втораго изданія сочиненія Шлейермахера, какъ наиболѣе ученый изъ его учениковъ, Гагенбахъ, напечаталъ *Богословскую энциклопедію* (1), въ которой онъ почти совершенно бросилъ путь, предложенный своимъ учителемъ, и, отдавая должную похвалу его сочиненію (§ 31), возвратился самъ къ обычному раздѣленію богословія. Это раздѣленіе есть то самое, которое Андрей Гергардъ (2) въ шестнадцатомъ еще вѣкѣ, первый начерталъ и которое наиболѣе яс-

(1) *Encyclopaedie und Methodologie der theolog. Wissenschaften*. 1-го edt. 1833.

(2) *Theologus, seu de ratione studii theologici*. Гергардомъ руководствовались, при составленіи учебниковъ, и наши русскіе богословы, напр. Чеованъ Прокоповичъ (*Слов. вст. пис. вѣтр. Евгенія т. 11, стр. 314. изд. 2*).

но было сдѣлано въ сочиненіяхъ Пфаффа и Буддея, въ восемнадцатомъ столѣтіи. Здѣсь различныя богословскіе матеріалы сгруппированы подъ слѣдующими четырьмя главами: богословіе *экзегетическое*, *историческое*, *систематическое* и *практическое*. Это значило, — отъ организма перейти опять къ агрегату, или отъ живой логической связи членовъ—къ ихъ наружному, искусственному, между собою, соединенію. Съ тѣмъ же самымъ упрекомъ можно обратиться къ энциклопедическому опыту М. Кіенлена (1), напечатанному въ 1842, и перепечатанному въ Nouvelle Revue de théologie (3-е livr. de 1860), въ которомъ богословіе раздѣлено на три отрасли: богословіе *библейское* (или *экзегетическое*), *систематическое* и *церковное*; эта послѣдняя отрасль заключала въ себѣ *церковную исторію* и *богословіе практическое*. Въ этомъ раздѣленіи мы опять находимъ, подъ формою слегка измѣненной, древнее раздѣленіе на четыре группы, и дѣло не двинулось ни на одинъ шагъ далѣе. Хотя М. Кіенленъ пытается логически оправдать такое раздѣленіе, стараясь вывести его изъ факта искупленія, разсматриваемаго: 1-хъ въ себѣ самомъ; 2-хъ въ умѣ богослова; 3-хъ въ жизни церкви; во это начало раздѣленія есть совершенно вышнее: оно отнюдь не вытекаетъ изъ внутренней необходимости. Такимъ образомъ, ясно, что мы далеко отстали отъ сочиненія Шлейермахера.

Какая же могла быть причина недостатка въ успѣхъ столь замѣчательной попытки этого знаменатаго германскаго богослова? Существенно, по всей вѣроятности, она заключается въ томъ, что у него назначено

(1) Encyclopédie des sciences de la théologie chrétienne. Strasbourg. 1842.

неудачное мѣсто богословію систематическому. Не видѣть въ догматикѣ ничего болѣе, какъ одно лишь изложеніе пункта, до котораго дошла, въ настоящее время, христіанская мысль, и составлять, подъ этимъ названіемъ, науку чисто историческаго свойства, идущую рука объ руку съ статистикою, не значить ли это унижать систематическое богословіе и совершать преступленіе противъ царицы наукъ богословскихъ? Когда подобное посягательство совершено такими людьми, какъ Шлейермахеръ, то оно достаточно наказано уже чрезъ самое молчаніе, въ которомъ остается, какъ бы погребеннымъ.

Попытаемся возобновить энциклопедическій трудъ съ того пункта, до котораго, неоспоримо, успѣлъ довести его этотъ великій богословъ. Построеніе его зданія можетъ имѣть свои и даже очень важные недостатки, — тѣмъ не менѣе, основаніе, положенное имъ твердо и чисто не менѣе гранита. Остережемся оставить его! Да; душа богословія, начало органическаго его единства, — это есть именно служеніе церкви. Богословіе есть наука, созданная церковію и для церкви. Это есть свѣтильникъ, возженный самою церковію, для того, чтобы онъ освещалъ ея шествіе и показывалъ ей путь къ достиженію своего назначенія въ этомъ мірѣ, исполненномъ тьмы. Безъ помощи и содѣйствія богословія — мракъ и ложный свѣтъ міра скоро успѣли бы овладѣть церковію и поставить ее саму на ложную дорогу заблужденій.

Если государство избрѣло, для своей пользы, особую науку, политическую экономію, которая даетъ ему отчетъ о его состояніи, цѣли и средствахъ, — то почему же церкви не основать также науки, назначенной

для подобныхъ же цѣлей? Медицина, для осуществленія своей, явно, вѣдшей задачи, беретъ, такъ сказать, дань со всѣхъ естественныхъ наукъ. Она пользуется ботаникою, химіею, физиологіею и проч. и изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ создаетъ врачебную науку. Почему же церкви, для выполненія своей, несравненно болѣе возвышенной, задачи, для уврачеванія душъ, для спасенія міра, не прибѣгнуть къ такому же средству, и не выработать для себя и для своей пользы, науки, пользуясь для составленія ея всѣми науками — историческими и нравственными? — Такимъ, дѣйствительно, образомъ и составляется Богословіе. Вѣра говоритъ филологамъ: „обратись ко мнѣ за помощію для выполненія назначенія, котораго ты не могла бы достигнуть безъ меня“, и филологія обращается въ экзегетику. Она приглашаетъ въ свою школу философію, и изучивши ее серьезно, извлекаетъ отсюда элементы догматики, то есть естественныя, доступныя разуму человѣческому, понятія о Богѣ, человѣкѣ, мірѣ, и проч. Она не пренебрегаетъ даже риторикою и дѣлаетъ ее своею помощницею подъ именемъ гомиластики, — и такимъ образомъ составляетъ всѣ другія богословскія науки. Но должно ли отсюда заключать, что богословіе есть ничто иное, какъ собраніе или соединеніе познаній чисто человѣческихъ, пришитыхъ, такъ сказать, одно къ другому? — Нисколько. Тѣло человѣческое прекрасно составлено изъ матеріаловъ, заимствованныхъ отъ окружающихъ стихій, — но оно отнюдь не есть простой, такъ сказать, агрегатъ; потому что въ немъ есть жизненная сила, душа, которая, напечатлѣваетъ свой типъ на всей этой массѣ матеріаловъ, подвергая эту послѣднюю процессу органической выработки. Богословіе также

владѣть своимъ организующимъ началомъ, или центромъ, вокругъ котораго оно формируется въ тѣло науки. Этимъ центромъ, какъ мы видѣли, служить для него цѣль, а цѣль его есть служеніе церкви. Отнимите отъ него эту цѣль, и съ нимъ произойдетъ то же, что съ тѣломъ, лишеннымъ души. Какъ въ тѣлѣ, лишенномъ жизни, матеріальные элементы тупа, для того чтобы разсѣяться и снова возвратиться къ различнымъ стихіямъ, откуда душа ихъ заимствовала, подвергаются опять закону химическаго средства, по которому они извлекались въ продолженіи дѣйствія жизненной силы, такъ точно и познанія богословскія, лишенная своего начала, которое собирало ихъ и вырабатывало, опять возвращаются въ свойственныя имъ области: церковная исторія опять дѣлается вѣтвію всеобщей исторіи; догматика становится не болѣе, какъ лишь опытомъ религіозной философіи; экзегетика не имѣетъ болѣе побужденій отдѣляться отъ филологіи; священная критика представляетъ собою не болѣе, какъ одну изъ главъ исторіи литературы; литургика теряетъ свое значеніе и становится не болѣе, какъ приложеніемъ законовъ эстетики. Тѣло подверглось разрушенію; то же сдѣлалось и съ богословіемъ, лишеннымъ жизненнаго начала. Такимъ образомъ богословіе существуетъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой служить вспомогательнымъ для церкви средствомъ къ достиженію ея назначенія *спасать міръ*, и услуга, которую оно должно оказать ей, сама собою вытекаетъ изъ самой природы этого назначенія. Церковь должна требовать отъ богословія—двухъ слѣдующихъ вещей:

- 1) Глубокаго познанія факта;
- 2) Разумной теоріи искуства.

Объяснимся подробнѣе. Фактъ, на который богословіе должно распространить полный свѣтъ, это есть фактъ спасенія; искусство, котораго полную и разумную теорію оно должно доставить церкви,—это есть искусство спасенія. Наука о спасеніи и теорія искусства спасенія—таковы суть двѣ вѣтви богословскаго дерева науки. Здѣсь заключается истинное начало раздѣленія всего содержанія богословія.

Эти двѣ части взаимно обусловливаются одна другою. Ибо, какимъ образомъ важно было бы установить теорію искусства спасенія безъ внутренняго познанія спасенія? И съ другой стороны,—къ чему послужила бы наука о спасеніи, если бы цѣлью ея не было снабдить церковь познаніями, способными усовершенствовать внутри ея искусство спасенія? Въ богословіи, всякое *знаніе* необходимо влонится къ *дѣйствованію*; равно какъ и всякое *дѣйствованіе*, чтобы оно было сознательно въ себѣ самомъ и достойно церкви, должно покоится на *знаніи*. Не то же ли самое бываетъ въ изящныхъ искусствахъ? Здѣсь все покоится на теоріи изящнаго; но къ чему служить эта теорія, если не къ тому, чтобы изучить каждое изъ искусствъ, которыми осуществляется изящное? Точка отправленія богословія есть наука о спасеніи; но эта наука не иначе существуетъ, какъ лишь въ виду подвига спасенія.

Назовемъ первую отрасль богословской науки, ту, которая относится къ изученію спасенія, именемъ *богословія умозрительнаго или созерцательнаго*. Здѣсь необходимо опредѣлить слово *созерцательный*, по причинѣ злоупотребленія, которое вообще изъ него дѣлаютъ. *Умозрѣть или созерцать* отнюдь не значить, какъ это думаютъ, извлекать изъ своей собственной мысли пред-

меть своей мысли (1). Такое созерцаніе, очевидно, имѣетъ дѣло только съ призраками своего воображенія, Созерцать, собственно, значитъ—быть бодрствующимъ, высматривать. Вотъ характеръ истиннаго созерцанія, достойный этого имени: это есть ничто иное, какъ вникать въ предметъ съ любовію,—слѣдить, со взглядомъ испытующимъ и наблюдательнымъ, за его явленіемъ, развитіемъ, возрастаніемъ; совершенно отдать себя ему, разсматривая его съ тою сосредоточенностію, съ тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ, въ которомъ онъ можетъ открыться душѣ, и душа можетъ усвоить его себѣ чрезъ процессъ внутреннаго воспріятія, который есть единственный методъ дѣйствительнаго познанія. Такимъ образомъ способность души, называемая созерцаніемъ, не есть творческая или изобрѣтательная. Она есть скорѣе характеръ внутренней сильной способности принимать въ себя впечатлѣнія, первое условіе которой составляетъ забвеніе самаго себя. Этотъ способъ познания есть собственно органъ богословскаго знанія. Чрезъ это единственно средство богословъ достигаетъ до построенія и усовершенствованія науки о спасеніи. Такимъ образомъ оправдывается названіе богословія созерцательнаго или умозрительнаго, чрезъ которое мы обоз-

(1) „Предметъ субъекта — говоритъ напр. Фейербахъ — есть не что иное, какъ объективированная сущность самаго субъекта“. Или, еще яснѣе, въ другомъ мѣстѣ: „Религія—особенно христіанская—есть отношеніе человека къ себѣ самому, или правильнѣе къ своей—и притомъ субъективной—сущности, но только какъ къ сущности другой. Божественная сущность есть не что иное, какъ сущность человѣческая, или лучше: сущность человека, очищенная, освобожденная отъ ограниченій человека индивидуальнаго, объективированная, т. е. созерцаемая и почитаемая какъ другая, отличная отъ него, собственная сущность—въ опредѣленіи божественной сущности сузя; поэтому опредѣленія сущности человѣческой“ (стр. 22; 24—25 въ русскомъ переводѣ).

начаемъ первую отрасль, часть, собственно научную, богословія вообще.

Вторая часть, та, которая должна начертать для насъ теорію искусства спасенія, есть *техническая* часть богословія. Она указываетъ церкви на средства осуществить тотъ фактъ спасенія, котораго природу и развитіе, до настоящаго времени, раскрыло предъ нами—*богословіе созерцательное*. Это будетъ, собственно такъ называемая, *практическая теорія*.

1. Богословіе умозрительное.

Еслибъ христіанство было произведеніемъ религіознаго генія человѣчества, системою истинъ, принадлежащею уму человѣческому, то первою задачею богословія и всякаго богослова было бы возвести всѣ элементы этой системы въ порядкѣ наиболѣе совершенномъ, къ своему началу, безусловной причинѣ. При такой точкѣ зрѣнія, первою отраслію богословія было бы, конечно, богословіе *систематическое*. Но христіанство, существенно, не есть система истинъ. Христіанство, какъ развиваетъ это св. апостолъ Павелъ (1 Кор. 1) въ существѣ своемъ не есть *премудрость*, но *спасеніе*. А спасеніе—есть дѣло и притомъ дѣло божественное,—это есть Богъ, Который спасаетъ. И Онъ Одинъ, исполняющій это дѣло, Одинъ можетъ также и открыть его совершеннымъ образомъ и представить чистымъ вѣрѣмъ человѣка. Какъ вѣрно то, что Богъ Самъ открывалъ намъ вѣсть о нашемъ спасеніи, такъ же вѣрно и то, что Онъ Одинъ и *совершилъ* его. Потому и развитіе откровенія, въ исторіи человѣчества, шло наряду, такъ сказать, рука объ руку, съ развитіемъ искупленія. Одно служило комментариемъ для другаго; это было дѣло,

истолковываемое чрезъ своего Дѣятеля. Искупленіе и откровеніе, начавшись вмѣстѣ съ самой минуты паденія, и будучи, такъ сказать, параллельно развиваемы въ продолженіе всего ветхаго завѣта, совершились и исполнились, одновременно, при основаніи церкви. Это, постоянно развивавшееся, откровеніе было постепенно вносимо, какъ откровеніе Божіе, въ божественные документы свящ. Писанія, и слѣдовательно первая услуга, которой церковь требуетъ отъ богословія, состоитъ въ томъ, чтобы оно помогло ей разобраться въ этихъ божественныхъ Писаніяхъ, архивахъ откровенія, подлинныхъ документахъ спасенія, и открыло предъ нею весь ихъ смыслъ; потому что Свящ. Писаніе есть слово Божіе, а не человѣческое и потому церковь болѣе всего имѣетъ нужду въ уразумѣніи его. Изъ такой существенной потребности въ уразумѣніи Священнаго Писанія, на которую указываетъ само св. Евангеліе (Іоан. V, 39), сама собою вытекаетъ первая отрасль созерцательнаго богословія, которую, естественно, составляетъ собою *экзегетическая или истолковательная* теорія.

Подъ этимъ наименованіемъ, мы разумѣемъ не только, собственно такъ называемую, *экзегетику*, но вообще всѣ науки, которыя относятся къ уразумѣнію Писаній, какъ-то: а) *критику священную*, которая научно изслѣдуетъ происхожденіе книгъ библейскихъ, и старается возстановить текстъ ихъ во всей его чистотѣ; б) *священную филологію*, которая изучаетъ подлинныя языки, на которыхъ были составлены Писанія, и высокою цѣлію которой служитъ вѣрное воспроизведеніе библіи на современныхъ языкахъ, чтобы сдѣлать ее равно доступною для всѣхъ; с) *священную герменевтику*, которая указываетъ какъ на видоизмѣненія, которымъ

должны подвергаться законы всеобщаго истолкованія, когда они прилагаются въ боговдохновеннымъ писаніямъ; такъ и на истинное руководительное начало при изъясненіи смысла Свящ. Писанія, каковымъ началомъ служить ученіе истинной церкви Христовой; d) *библейскую археологію*, которая собираетъ всё историческія, географическія и социальныя данныя, на которыя дѣлаютъ намекъ священныя писатели, и представляетъ картину, полную внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ развивалось откровеніе. *Экзегетика*, собственно такъ называемая, составляетъ собою какъ бы вѣнецъ всѣхъ этихъ частныхъ наукъ, а эти послѣднія, по отношенію къ ней, не болѣе, какъ ея помощницы.—Телескопъ ежедневно открываетъ на небѣ новыя солнца и поразительныя чудеса. Писаніе есть небо церкви, а экзегетика есть какъ бы инструментъ, посредствомъ котораго богословіе испытываетъ глубины его, и открываетъ для церкви различныя виды въ безпредѣльномъ божественномъ планѣ, этой *тайнѣ сокровенной, юже представи Богъ прежде вѣкъ во славу нашу* (1 Кор. 11, 7).

Хотя Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта заключаетъ въ себѣ все, что нужно и *полезно къ ученію, къ обличенію, къ исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ*,—тѣмъ не менѣе для насъ необходимъ и другой Божественный источникъ христіанской религіи, который и дарованъ намъ въ Священномъ преданіи. Безъ сего послѣдняго мы не могли бы убѣдиться въ подлинности и богодухновенности книгъ Священ. Писанія, а равно и само Свящ. Писаніе, во многихъ мѣстахъ, было бы для насъ непонятно, и, вообще, мы не имѣли бы высшаго, божественнаго критеріума для окончательной про-

вѣрки точнаго и подлиннаго смысла, какой соединяемъ мы съ тѣмъ или другимъ мѣстомъ Священнаго Писанія. Вообще „Священ. Преданіе“, по ученію св. Церкви православной, „нужно для руководства къ правильному разумѣнію св. Писанія, для правильнаго совершенія таинствъ и для соблюденія священ. обрядовъ въ чистотѣ первоначальнаго ихъ установленія“, ибо многія изъ догматическихъ даже истинъ содержатся въ Свящ. Писаніи только въ видѣ намековъ, и безъ Свящ. Преданія они остались бы чуждыми для насъ и не вошли бы въ кругъ нашихъ вѣрованій, какъ это и бываетъ у нѣкоторыхъ христіанъ, напр, протестантовъ, не держащихся священ. преданія.

Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость изученія Священ. Преданія, совмѣстно съ изученіемъ Священнаго Писанія. А такъ какъ оно заключается главнымъ образомъ въ твореніяхъ Св. Отцевъ церкви, то отсюда является новая отрасль богословскихъ наукъ— наука объ отцахъ церкви, извѣстная подъ названіемъ *патрологии* или *патристики*. Она излагаетъ а) біографію каждаго св. отца; б) бібліографію, гдѣ показываетъ подлинность ихъ сочиненій, ихъ главное содержаніе, расположеніе и отличительный характеръ; в) и, наконецъ, замѣчательнѣйшія мысли изъ этихъ сочиненій, относительно догматовъ вѣры, нравственности, обрядовъ, и церковныхъ постановленій (¹).

Но Екзегетика доставляетъ церкви элементы откровенія въ томъ видѣ, какъ она сама находитъ ихъ въ священ. книгахъ, гдѣ они заключаются. А въ Свящ. Пи-

(¹) Другіе источники Свящ. преданія, напр. обзорніе символы, удобно входятъ въ программу церковной исторіи, а потому нѣтъ нужды звучать ихъ отдѣльно.

саніи они изложены безъ порядка логическаго, разсѣяны и разбросаны по разнымъ мѣстамъ, какъ отрывки мысли разбитой, выраженіе которой должно было приспособляться, во всѣ эпохи, къ историческому ходу человечества. Откровеніе, дѣйствительно, не есть систематическое произведеніе въ формѣ напр. катехизиса. Развитие его постоянно подчинялось особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста, которыя опредѣляли, при каждомъ ихъ видоизмѣненіи, содержаніе и общій видъ его. Каждый пророкъ получалъ изъ сокровищницы божественной мысли лишь столько, сколько требовалъ того, и сколько могъ вмѣстить въ себѣ тотъ моментъ, въ который говорилъ онъ. Какимъ же образомъ умъ человѣческій, управляемый закономъ единства, могъ бы не растеряться при этомъ? Могъ ли бы онъ удержаться отъ того, чтобы не привести въ порядокъ тѣ матеріалы, которые трудъ эзегетическій раскрылъ предъ нимъ и, такъ сказать, извлекъ изъ рудника? Онъ необходимо сдѣлаетъ это, и тѣмъ болѣе, что предугадываетъ и предчувствуетъ въ этомъ видимомъ безпорядкѣ—высшій порядокъ, и въ этомъ безпредѣльномъ разнообразіи—высшее единство плана и расположенія. Какъ естественная наука дотолѣ не можетъ успокоиться, доколѣ не достигнетъ до открытія въ каждомъ существѣ божественной мысли, а между каждою изъ этихъ мыслей связи, и въ видимомъ хаосѣ творенія—единого понятія, непрерывнаго движенія, — до открытія мысли, которая развѣтвляется до безконечности въ этомъ чудномъ разнообразіи формъ и организмовъ; такъ и богословіе стремится возсоздать тѣло, котораго члены находятъ оно разбросанными (*membra disjecta*) въ библейскихъ текстахъ, и привести всѣ эти матеріалы къ ихъ идеаль-

ному единству, предшествующему всякому дѣйствительному существованію. Оно хочетъ какъ бы снова *промыслить, почувствовать* то божественное *πρόθεσις*, о которомъ такъ часто говоритъ св. апостолъ Павелъ, и которое есть вѣчное основаніе, откуда является исторія. Итакъ, искомое чрезъ богословіе единство не есть простое логическое понятіе, — оно, на самомъ дѣлѣ, пребываетъ въ мысли Того, Который предуставилъ и совершилъ наше спасеніе. Богословіе, систематизируя его, ничего здѣсь отъ себя не выдумываетъ; оно открываетъ только то, что было. Но, скажутъ, Евангеліе въ такомъ случаѣ было бы, по существу своему, системою, премудростію? — Совсѣмъ—нѣтъ; потому что тотъ же св. ап. Павелъ, который отвергаетъ это столь энергически, между тѣмъ ясно объявляетъ, что онъ также возвѣщаетъ *премудрость между совершенными* (1 Кор. 11, 6). Эта-то премудрость и есть, дѣйствительно, тотъ вѣчный планъ спасенія, который совершился на крестѣ. Существова прѣжде міра, этотъ вѣчный планъ былъ началомъ его творенія, нормою его развитія, ключемъ его исторіи, типомъ его совершенства. Св. крестъ перевелъ въ самый фактъ эту вѣчную мысль; а богословіе стремится снова переложить этотъ фактъ въ мысль и, такъ сказать, привести его, такимъ образомъ, къ его первой формѣ, чтобы разсмотрѣть его въ самомъ его существѣ. Умъ человѣческій не можетъ имѣть никакой болѣе возвышенной задачи, — а между тѣмъ задача эта составляетъ собственно предметъ *систематическаго богословія*, второй отрасли созерцательнаго богословія.

Оно достигало этой задачи только постепенно. Нашъ умъ только мало-по-малу доходилъ до опредѣленія той связи, которая связываетъ съ центральною мыслию спа-

сенія всѣ разнообразныя и разнородныя элементы, доставляемые экзегетикою для нашего разсмотрѣнія. Задача богословія, въ этомъ отношеніи, можетъ считаться оконченною лишь тогда, когда все содержаніе всѣхъ текстовъ библейскихъ будетъ приведено къ связи съ мыслию спасенія, и подчинено ей, когда свѣтъ отъ креста, какъ отъ ея центра, проникнетъ даже до самыхъ отдаленныхъ пунктовъ библейской и церковной окружности; другими словами: когда всѣ результаты экзегетики и патристики найдутъ свое мѣсто въ системѣ.

Къ этой второй отрасли умозрительнаго богословія являются принадлежащими три слѣдующія частныя науки: а) *догматика*, которая стремится объять спасеніе въ его осуществленіи, также какъ въ его предопредѣленіи и слѣдствіяхъ; б) *нравственное богословіе*, которое полагаетъ этотъ фактъ спасенія, какъ основаніе для нравственнаго зданія искупленной жизни человѣческой, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ обществѣ; и с) *полемика*, которая опровергаетъ догматическія и нравственныя поврежденія, какимъ можетъ подвергаться въ церкви истолкованіе правды божественной. Предметомъ послѣдней науки служитъ сопоставленіе неправыхъ ученій съ ученіемъ православной догматики и нравственнаго ученія.

Вѣчная мысль о спасеніи осуществила себя во времени, и съ того момента была предложена вѣрѣ человѣка, чтобы развиваться и осуществляться въ человѣчествѣ. Итакъ, являясь со двя основанія церкви, спасеніе можетъ быть изучаемо не только въ словѣ писанномъ, которое представляетъ фазы внутренняго его развитія, или въ мысли божественной, которая содержитъ въ немъ вѣчный типъ; но и въ исторіи человѣчества, ко-

торой отнынѣ служить оно главнымъ двигателемъ, выдающимся фактомъ. Невозможно, чтобы церковь каждаго столѣтія не потребовала у науки, которую она употребляетъ для своей пользы, свѣдѣній о развитіи общества, которое можно назвать *обществомъ спасаемыхъ*, и не постаралась бы поставить себя въ свойственное ей отношеніе къ этому современному обществу.

Такъ какъ церковь обращается, для уразумѣнія Писаній, къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые имѣютъ право *сказанія языковъ*, т. е. изъясненія боговдохновенныхъ словъ, и какъ для того, чтобы быть посвященнымъ въ мысль божественную во всей ея вѣчной простотѣ, она дѣлаетъ призывъ къ *учителямъ*, къ тѣмъ, которые приняли *даръ познанія*, точно также она прибѣгаетъ къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые владѣютъ даромъ исторической провидательности, *духомъ пророчества*, для того, чтобы понять чрезъ свое прошедшее свое настоящее, и чрезъ свое настоящее угадать свое будущее, чтобы такимъ образомъ потрудиться, при помощи Божіей, надъ его осуществленіемъ.

Богословіе историческое заключаетъ въ себѣ слѣдующія науки: 1 и 2) *Исторію Θεократіи* (ветхозавѣтную), съ ея дополненіемъ—*Богословіемъ библейскимъ*. Эта послѣдняя наука старается объять, во всей ихъ индивидуальности, непрерывныя эпохи откровенія, соответствующія фазамъ исторіи теократической, также какъ различныя и одновременныя типы, посредствомъ которыхъ дано было откровеніе въ концѣ своего развитія, въ лицѣ Господа Иисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ. Библейское богословіе могло бы быть названо исторією догматовъ во время самаго теченія или хода откровенія. Нѣтъ ничего болѣе затруднительнаго, какъ

анализъ, которымъ должна заниматься эта наука;—это есть цѣлое море подводныхъ камней, если не имѣть въ рукахъ спасительнаго компаса; и вотъ почему нельзя отваживаться пускаться въ это море безъ руководства систематическаго богословія, составленнаго на основаніи Свящ. Писанія и Свящ. Преданія. Какъ въ природѣ познаніе видовъ предполагаетъ познаніе рода, къ которому принадлежатъ они, такъ и въ откровеніи, различіе непрерывныхъ фазъ и разнообразныхъ образовъ предполагаетъ основательное и глубокое знаніе единства, которое служитъ основаніемъ этимъ формамъ жизни; иначе, трудно противостоятъ искушенію — усиливать вездѣ различія, открывать контрасты, измѣнять оттѣнки на противоположные цвѣты, и разнообразіе на противорѣчіе. Это часто бываетъ однимъ изъ главныхъ заблужденій библейскаго богословія, которымъ особенно страдаютъ произведенія западныхъ богослововъ. 3 и 4) *Исторія церкви*, съ ея дополненіемъ—*Исторією догматовъ*. Она показываетъ намъ развитіе дерева, зерно котораго представили намъ двѣ предъидущія науки. 5 и 6) *Статистика и Символика*, которыя оканчиваютъ картину развитія церкви и даютъ, если осмѣлимся такъ выразиться, разрѣзъ дерева въ настоящій моментъ. Первая есть окончаніе церковной исторіи; вторая—окончаніе исторіи догматовъ. Предѣломъ послѣдней, дѣйствительно, служитъ изложеніе вѣро-исповѣдныхъ различій нынѣ существующихъ.

Теперь мы дошли до пункта, гдѣ умозрительное богословіе, окончивъ свое дѣло, можетъ передать свой скипетръ богословію практическому. Церковь искала знаній, единственно, для дѣйствования, для дѣла, а отнюдь не съ другою цѣлю. Изученіе Писанія поставило ее,

какъ бы лицомъ къ лицу, съ развитіемъ божественнаго дѣла. Богословіе систематическое дало ей разсмотрѣть это дѣло въ его идеальномъ изяществѣ. Она увидѣла, наконецъ, въ историческомъ богословіи это самое дѣло уже осуществившимся, хотя и не совершеннымъ еще образомъ, въ собственной ея исторіи. Теперь къ дѣлу,—дабы окончить то, что Самъ Богъ насадилъ, и что церковь, при Его содѣйствующей благодати, возрастила!—Но какимъ образомъ, и чрезъ какія средства? Это-то и должна намъ показать, на основаніи всѣхъ предыдущихъ наукъ, новая отрасль богословія. Ибо, послѣ того, какъ церковь ознакомилась съ исторіею, она призывается къ дѣйствованію. Конецъ умозрительнаго богословія, — познаніе настоящаго состоянія церкви, представляется такимъ образомъ точкою нормальнаго отправленія богословія практическаго.

2. Богословіе практическое.

Изучивъ, чрезъ умозрительное богословіе, всѣ необходимыя данныя, церковь начертываетъ теперь, въ практическомъ богословіи, планъ своей дѣятельности, отправляясь, въ виду этой цѣли, отъ той точки, до которой достигло нынѣ Божественное дѣло. Форма же практической ея дѣятельности опредѣляется чрезъ разнообразное состояніе матеріаловъ, на которые она призвана дѣйствовать. Ихъ—три рода; одни принадлежатъ уже ей, въ извѣстной мѣрѣ, *однородны* съ нею и она должна стремиться уподобить ихъ себѣ совершенно. Другіе ей еще *чужды*; она еще доселѣ не утвердила никакихъ отношеній къ нимъ; задача ея сблизиться съ ними и приобрѣсть ихъ, овладѣть ими. Наконецъ, третьи

положительно ей враждебны. Они знают христіанство, по пользуются этимъ знаніемъ только для того, чтобы нападать на него и разрушать его. Противъ нихъ церковь призывается къ защитѣ.

Итакъ искусство — спасать, или дѣло спасенія раздѣляется въ практикѣ на три различныхъ рода дѣятельности: это — созидать вѣрующихъ, обращать невѣрующихъ, опровергать противниковъ, или иначе: управлять, обращать къ вѣрѣ, защищаться, и слѣдовательно практическое богословіе будетъ заключать въ себѣ три главныхъ ученій: науку созиданія церкви въ тѣло Христово, которую мы назовемъ *церковнымъ домостроительствомъ* (1); науку приобрѣтенія міра или *теорію миссіонерства*, и, наконецъ, теорію защиты христіанства или *аполлогетику*.

Церковное домостроительство есть наука о руководствованіи и управленіи церкви, въ видѣ созиданія, собственныхъ членовъ ея въ тѣло Христово. Оно заключаетъ въ себѣ, какъ это можно видѣть, двѣ науки: *церковную политику*, или, какъ принято называть у насъ, *каноническое право и ученіе о священнослуженіи*. Первая, заимствуя идею церкви у систематическаго богословія, дѣлаетъ изслѣдованіе о первыхъ дѣятеляхъ церковной жизни и основываетъ на этомъ анализѣ теорію организаціи церкви, ея управленія, и ея отношеній къ другимъ общественнымъ формамъ, въ какія организуется, жизнь человѣчества, къ формамъ, напр., государства. Вторая прилагаетъ эти начала къ много-

(1) Для такого названія мы находимъ основаніе какъ въ Свящ. Писаніи (Лук. XII. 42; 1 Тимое. III, 5), такъ и въ языкѣ богословскомъ. Въ послѣднемъ давно уже принято это выраженіе, хотя въ смыслѣ болѣе обширномъ, напр. *домостроительство Божіе, домостроительство нашего спасенія* и проч.

сложнымъ обязанностямъ, посредствомъ которыхъ священство обязано питать и развивать жизнь церкви, доколѣ не придетъ она въ мѣру возраста Христова. Обязанности эти — слѣдующія: богослуженіе, которое излагается *въ литургикъ*; проповѣданіе, теорія котораго преподается въ *гомилстикъ*; обученіе закону Божию и попеченіе о пасомыхъ, въ чемъ должны руководить своими совѣтами *религіозная дидактика и пастырское боисловіе*.

Всѣ эти обязанности предполагаютъ уже извѣстное средство между тѣми, кто ихъ исполняетъ во имя церкви, и тѣми, на которыхъ простирается эта дѣятельность ея. Но церковь призвана не къ тому только, чтобы сохранять и воздѣлывать то, чѣмъ владѣеть. Она имѣетъ права и даже обязательства дѣлать новыя пріобрѣтенія. Она призвана къ этому и чувствуетъ себя внутренне побуждаемою къ миссіонерской дѣятельности. Эта, такъ сказать, *пріобрѣтательная дѣятельность* бываетъ сначала плодомъ простаго побужденія инстинкта христіанскаго, то есть благодати; но церковь чувствуетъ себя потомъ принужденною собирать для пользы будущаго опыта прошедшаго. Тогда инстинктивная дѣятельность преобразуется въ дѣятельность сознательную, и такимъ образомъ рождается теорія миссіонерства, которая составляетъ собою, какъ бы *церковную стратегію*. Наука эта весьма недавнаго происхожденія даже у западныхъ христіанъ, а у насъ едва положено ей что—то похожее на начало въ такъ называемыхъ миссіонерскихъ классахъ, учрежденныхъ при нѣкоторыхъ семинаріяхъ.

Между тѣмъ дѣятельность церкви въ міръ вообще и въ своихъ собственныхъ членахъ производитъ не только вѣру, но и упорство, вызываетъ на борьбу. Такимъ

образомъ церковь принуждена бываетъ возвращаться отъ пріобрѣтенія къ защитѣ, и, постоянно, выступая впередъ на чуждую почву, иногда должна окапываться въ своихъ собственныхъ пріобрѣтенныхъ уже владѣніяхъ сзади своихъ собственныхъ оплотовъ. Апологетика есть предѣлъ практическаго богословія и, въ тоже время, вѣнецъ и вершина всего богословія. Она обращается, дѣйствительно, къ наукѣ христіанской за всѣми нужными пособіями. Она составляетъ для богословія тоже, что для народа, существованію котораго ограждаетъ опасность, собраніе въ цѣлой массѣ. Она доказываетъ сначала, посредствомъ документовъ, представляемыхъ экзегетикою, что христіанство *хочетъ* и стремится быть религіею безусловною и положительною. Такое ея стремленіе вытекаетъ изъ божественнаго характера, какой ея Основатель приписываетъ Себѣ и своему дѣлу. Потомъ она объясняетъ, что то, чѣмъ христіанство домогается быть, тѣмъ *оно можетъ* и только оно одно можетъ быть. Доказательства для этой мысли она извлекаетъ изъ внутренняго изученія христіанства и изъ критическаго изученія другихъ религій. Для этой цѣли она пользуется особенно богословіемъ систематическимъ. Наконецъ, она доказываетъ фактами изъ церковной исторіи, разсматриваемыми въ нихъ самихъ и по отношенію къ исполненнымъ и неисполненнымъ пророчествамъ, что то, чѣмъ *оно*, то есть христіанство, *хочетъ и можетъ быть*, тѣмъ оно давно уже *было*, и теперь *есть* для цѣлыхъ милліоновъ душъ, и что оно дѣлается тѣмъ, часть отъ часу болѣе и болѣе, для всего человѣчества. Этотъ, такъ сказать, *повторительный*, характеръ апологетики, оправдываетъ то послѣднее мѣсто, которое естественно назначено этой наукѣ нашимъ раз-

положеніемъ и планировкой всецѣлаго богословія. Она представляетъ собою, какъ бы самый зрѣлый и лучшій плодъ всего богословія.

Теперь повторимъ вкратцѣ—все сказанное нами: богословіе есть изученіе чудесъ божественной любви къ человѣчеству и изысканіе наилучшійшихъ средствъ къ тому, что бы содѣлать чудеса эти общезвѣстными и осуществить ихъ на всей землѣ. Для выполненія своей высокой задачи, богословіе начинаетъ *черезъ разсматриваніе*, или умосозерцаніе. Оно разсматриваетъ и изслѣдуетъ чудеса спасенія такъ, какъ являлись они на тверди писаній. Оно разсматриваетъ и обнимаетъ порядокъ, въ какомъ они группировались около своего центра, св. креста. Оно разсматриваетъ и слѣдитъ съ удивленіемъ за ихъ осуществленіемъ, хотя и несовершеннымъ еще, но постоянно возрастающимъ, въ развитіи церкви. Этимъ умозрительное богословіе оканчиваетъ свое дѣло. Послѣ разсматриванія, наука обращается къ дѣйствованію. Воспламененное святою любовію къ церкви, какъ къ предмету, театру и орудію столь великихъ дѣлъ, богословіе изыскиваетъ, съ святою ревностію, наиболѣе дѣйствительныя средства къ тому, чтобы—окончить развитіе церкви черезъ постепенное и постоянное усовершенствованіе ея членовъ, черезъ распространеніе своего нравственнаго господства и вліянія, и, наконецъ, черезъ приведеніе всѣхъ, чуждыхъ ей овецъ къ единому стаду Единого Пастыря — Христа.

Исполнивъ это, богословіе оканчиваетъ свою задачу. Вѣрѣ христіанской остается лишь только питаться плодами этого дерева науки, которое она сама насадила. Вышедши изъ жизни, богословіе обратно возвращается къ жизни. Служеніе церкви или священно-

служеніе есть какъ бы посредство, чрезъ которое совершается этотъ возвратъ. Ибо въ священнослуженіи нѣтъ ни одного такого дѣйствія, начиная отъ самаго скромнаго и, по видимому, незначительнаго, урокъ ли то религія, посѣщеніе ли больнаго, совершеніе ли простой требы, нѣтъ, говоримъ, ни одного такого дѣйствія, при исполненіи котораго не отражалось бы всецѣло богословское знаніе, также дѣйствительно, какъ въ каждомъ плодѣ растенія сосредоточивается трудъ всего годичнаго ухода.

Передавъ такой взглядъ на богословіе, мы, къ сожалѣнію, не можемъ умолчать о томъ ошибочномъ пути, на который весьма часто уклоняется у насъ, въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ, занятіе богословіемъ. На мѣсто *практическаго* направленія, которое составляетъ собою душу богословія, которое должно опредѣлять его существованіе и заправлять его ходомъ,—не господствуетъ ли у насъ чисто—научное, такъ сказать, *умозрительное* направленіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова? Не занятіе спасеніемъ души, которое должно бы стоять во главѣ богословскаго ученія, а занятіе истинною, часто отрѣшенной отъ жизни, господствуетъ у насъ, по большей части. Такимъ образомъ богословіе терпитъ поврежденіе въ самомъ существѣ своемъ. На мѣсто науки, которую церковь основала и которую должна употреблять для своей пользы, мы имѣемъ скорѣе науку, назначенную для удовлетворенія суетнаго любопытства, служащую какъ бы для увеличенія суммы нашихъ познаній, необходимую для священника не столько *de facto*, сколько *de jure*,—словомъ—не науку о спасеніи, въ фактическомъ смыслѣ этого слова, а родъ какого-то религіознаго суетумудрія, чаще надмева-

ющаго, чѣмъ приносящаго плоды истиннаго богорозна-
нiя. Задача, которую предполагаетъ себѣ подобное бо-
гословіе, есть скорѣе умственная борьба противъ заб-
лужденiя, а не разрушенiе *ирьха*. Удивительно ли, что,
при такомъ направленiи, богословіе мало по малу со-
всѣмъ потеряетъ изъ виду строгіе интересы спасенiя и
самая мысль о спасенiи, этомъ, такъ сказать, живомъ
двигателѣ всего божественнаго домостроительства, бу-
детъ низведена до какаго-то, просто, отвлеченнаго по-
нятiя? (1)

Итакъ пусть богословіе наше утвердится, прежде все-
го, на истинномъ началѣ, на которомъ лежитъ ея су-
ществованiе! Началомъ этимъ, какъ мы же видѣли,
служить спасенiе душъ, искупленныхъ кровiю Господа
Исуса Христа. Всѣ предметы богословскіе должны кло-
ниться къ этому началу, какъ своему центру.—Пусть
цѣлю всего занятiя богословіемъ будетъ прiобрѣтенiе
того искусства, которое такъ прекрасно названо въ
одной изъ пѣсенъ церковныхъ — искусствомъ *уловлять*
вселенную. Въ силу этого искусства каждый пастырь
церкви долженъ содѣлаться, по заповѣди Господа, *лов-*
цею челоуковъ. Въ же этого искусства, которому дол-
жно обучать насъ практическое богословіе и къ кото-

(1) Здѣсь мы позволяемъ себѣ выпустить нѣсколько замѣчанiй автора
о предпочтенiи, въ нашихъ духовно-учебныхъ заведенiяхъ, теоретиче-
скихъ богословскихъ наукъ практическимъ, о часто встрѣчающемся
между самими наставниками незнакомствѣ съ практическими требова-
нiями пастырской жизни, и т. п. Все это справедливо и все это имѣ-
лось въ виду при введенiи новыхъ семинарскихъ уставовъ и имѣется
при работахъ по предполагаемому преобразованiю академiй. Но нужно,
чтобы и все духовное сословіе, посылающее дѣтей своихъ въ духовно-
учебное заведенiе, своимъ примѣромъ и нравственнымъ влiяніемъ под-
держивало наставниковъ и начальниковъ этихъ заведенiй въ ихъ стрем-
ленiи къ одной общей цѣли — утвержденiю и распространенiю царствiя
Божiа на родной почвѣ.—Ред.

рому должна стремиться вся наука богословская, — тщетны были бы всё наши богословскія познанія, какъ бы ни были они глубоки и обширны, и мы сами были бы, по слову св. апостола Павла, *яко мльдь звенящи, или кимвалъ звящай* (1 Кор. XIII, 1).

Заклучимъ нашу статью словами одного изъ западныхъ профессоровъ богословія: „Богословіе должно вести возрастающее поколѣніе къ тому, чтобы оно могло составить изъ себя союзъ вѣрныхъ пастырей, всегда готовыхъ и способныхъ собрать овецъ своихъ, слѣдить за ними, умѣющихъ искать и обрѣтать заблудшихъ. Богословіе должно воспитать пастырей, для которыхъ безпрестанный и неуспынный трудъ пастырства, охраненія и исканія овецъ былъ бы другою природою, которые бы сердечно скорбѣли о всякой разлукѣ съ своимъ стадомъ, которые бы въ этихъ заботахъ пастырства проводили всю жизнь свою, которые бы только съ послѣднимъ вздохомъ отрѣшились отъ этихъ заботъ“.

„Кто не обращаетъ всего своего вниманія на то, чтобы воспитать пастырей, тотъ не есть и учитель богословія“ (1).

Свщ. І. Флеровъ

(1) Смотр. Дух. Бесѣду за 1865 годъ, № 8-й, стр. 328.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки